

ОБОРОНА ДНЕПРОВСКИХ ГОРОДКОВ В 1697 ГОДУ – КЛЮЧЕВОЙ ЭПИЗОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1686–1700 ГОДОВ*

А. Г. Гуськов, С. М. Шамин

Институт российской истории Российской академии наук

Поступила в редакцию 20 апреля 2021 г.

Аннотация: анализируются события одной из самых масштабных кампаний Русско-турецкой войны 1686–1700 гг. – обороны днепровских городков в 1697 г. Во время нее Османская империя направила для участия в боевых действиях самые крупные контингенты как собственных, так и союзнических войск за все время конфликта. Несмотря на подавляющее преимущество турецких и татарских войск, российским гарнизонам удалось отстоять ключевые укрепленные пункты линии обороны – крепости Тавань и Казыкермен. Исследование основано на широкой базе источников, как опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1686–1700 гг., Я. Ф. Долгоруков, И. С. Мазепа, В. Б. Бухвостов, оборона крепостей.

Abstract: the article analyzes the events of one of the largest campaigns of the Russian-Turkish war of 1686–1700 – the defense of the Dnieper towns in 1697. During the campaign, for the entire time of the conflict the Ottoman Empire sent the largest contingents of both its own and allied troops to participate in hostilities. Despite the overwhelming advantage of the Turkish and Tatar troops, the Russian garrisons managed to defend the key fortified points of the defense line – the fortresses of Tavan and Kazykermen. The research is based on a wide base of sources, both published and for the first time introduced into scientific circulation.

Key words: Russian-Turkish War of 1686–1700, Ya. F. Dolgorukov, I. S. Mazepa, V. B. Buhvostov, fortress defense.

История Русско-турецкой войны 1686–1700 гг. [1] получила неоднозначное освещение в историографии. С одной стороны, каждому школьнику у нас в стране известны Крымские походы В. В. Голицына (1687, 1689 гг.) и Азовские походы Петра I (1695, 1696 гг.), с другой – исследование совокупной последовательности военных кампаний и дипломатических действий с 1686 по 1700 г. как непрерывного взаимосвязанного процесса до сих пор остается нерешенной задачей. «Забытая» война отсутствует в подавляющем большинстве учебных пособий, а события, происходившие в «непоходные» 1690–1694 и 1697–1699 гг., неизвестны даже многим специалистам по истории второй половины XVII в.

Не стала исключением и кампания 1697 г., во время которой Османская империя направила для участия в боевых действиях самые крупные контингенты как собственных, так и союзнических войск за все время конфликта. Данные обстоятельства позволяют считать события, связанные с обороной днепровских городков Казыкермена и Тавани, ключевым эпизодом всей войны.

Боевые действия 1697 г. лишь эпизодически получили освещение в отечественной историографии, в

основном в работах по украинской (малороссийской) истории. Впервые описание оборонительных действий вокруг днепровских городков мы встречаем в работе Д. Н. Бантыша-Каменского, охарактеризовавшего ключевые события осады Казыкермена и Тавани на основе документов из Архива Коллегии иностранных дел («Малороссийские дела») [2, с. 23–27]. Более объемно их осветил Н. И. Костомаров в труде «Мазепа и мазепинцы», впервые опубликованном в 1882 г. [3, с. 465–472]. Автор расширил источниковую базу исследований и высказал некоторые критические замечания в оценке действий российских и украинских военачальников: «Поход под Таванск гетмана и князя Долгорукова никак не может быть признан славным подвигом. Правительство, однако, не поставило гетману на вид неудачи этого похода...» [там же, с. 472]. Д. И. Эварницкий в трехтомной монографии о запорожских казаках привел новые факты о походе по Днепру войск белгородского воеводы и украинского гетмана, о нюансах обороны Тамани, высказал несколько предположений о причинах отхода от городков основных сил Я. Долгорукова и И. Мазепы, называя его для последнего «безславным» [4, с. 251–268].

Лишь в конце XX в. исследования событий 1697 г. были продолжены украинским ученым В. Н. Зарубой. В монографии, посвященной истории украинского казачьего войска, на основании нового архивного материала он вновь остановился на основных эпизо-

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-09-42015.

© Гуськов А. Г., Шамин С. М., 2021

дах боев июля–сентября 1697 г., уточнив несколько дат и количественные характеристики войск [5, с. 132–138]. В 2003 г. все главы данной монографии были переизданы на украинском языке в составе нового труда автора [6, с. 399–406]. Из современных исследований необходимо обратить внимание на страницу «Кампания 1697 г. на Днестре» в разделе «Энциклопедия» исторического портала «Руниверс», где перечислены основные действия войск обеих сторон, правда, с рядом опечаток (возможно, возникших из-за того, что портал находится в процессе заполнения информацией) [7]. Данный материал является электронной копией текста первого тома малотиражного справочника «Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск, 860–1914 гг.» [8].

Настоящее исследование основывается на материалах Белгородского разряда, включающих донесения руководителей российских и казацких воинских подразделений, расспросы «выходцев» из османского плена и допросы захваченных языков, а также дипломатических документах. Важным источником также является «Дневник» П. Гордона, последняя часть которого недавно была опубликована [9].

На заключительном этапе войны с Османской империей (после 1696 г.) Россия перешла к оборонительной стратегии, призванной сохранить завоеванные опорные пункты. Это не было сознательным решением московских властей. Официально предполагалось продолжать наступление на врага. Уже в 1697 г. планировался поход на Очаков. Захват этой крепости полностью поставил бы под контроль российской армии все нижнее течение Днестра. Однако отъезд царя в составе Великого посольства существенно снизил темпы подготовки новой военной кампании. Военачальники же больше думали о том, как не допустить значимых потерь, которые плохо сказались бы на их карьере, чем об усилении натиска на противника.

Подготовка к походу на Очаков совместных войск белгородского воеводы князя Я. Ф. Долгорукова и украинского гетмана И. С. Мазепы началась еще зимой 1696–1697 гг., а движение отрядов – лишь в начале лета. К 11 мая для похода вниз по Днестру было сделано 70 морских стругов и 600 лодок. К концу весны назначенный в товарищи Долгорукову думный дворянин С. П. Неплюев доставил из Брянска еще 121 струг [3, с. 465, 466]. С российской стороны указом 19 мая на службу назначено «в Белгородском розряде нашим великого государя ратным людям указному числу конным в полковой сотенной службе десяти, пешим в салдацких и в стрелецких... полках дватцати тысяч, всего тритцати тысяч человек» [10, л. 10]. Надо полагать, что близкое по численности войско выставил Мазепа.

25 мая последовал указ о начале «плавного похода» [3, с. 466]. Сухопутные отряды И. С. Мазепы и Я. Ф. Долгорукова соединились в середине июня у реки Коломак и двинулись по левому берегу Днестра к порогам [4, с. 252]. К этому времени уже имелась информация о том, что в устье Днестра стоят несколько турецких галер, закрывая путь в Черное море. Знали также и о том, что турки стягивают войска к Очакову. Правда, известия о численности противника были очень противоречивыми. По одним данным, речь шла об огромной стотысячной армии, а по другим – только о 3 тыс. янычар и 10 тыс. кавалерии [9, с. 94]. При отправке в «плавный поход» (14 июня) Долгоруков оставил под командованием брата, Луки Федоровича, «для охранения» 4565 человек [11, л. 1–2].

Турки действительно активно готовились к новому этапу боевых действий в регионе. Силистрийский паша Юсуф привел войска в Очаков, где была сооружена новая крепость. Город построили «деревянной рубленой в две стены, промеж стен насыпано хрящем, а промеж тех стен в толщину будет полтретья сажени. Да около того города выкопан ров в глубину десяти, в ширину трех сажень. А жилецких де боевых людей в том городе будет с пять тысяч человек. А для осадного времени той же весны в тот город пришло войсковых людей пехоты четыре тысячи человек». После этого Юсуф-паша отправился под днепровские городки. Свое войско он повел вдоль морского побережья до Днестра, а потом переправился через Днестр и двинулся вверх по реке с крымской стороны с 8 тыс. человек [там же, л. 1175].

В 20-х числах июня соединенное русско-украинское войско достигло крепости Кодак, расположенной у первого днепровского порога, откуда по прибытии «плавного похода» начался опасный спуск по перекатам [4, с. 253]. Здесь гетман узнал от пришедших в Сечу восставших гребцов с турецкой галеры о том, что турки идут по морю к устью Днестра [3, с. 467].

Поздние сроки начала похода самым плачевным образом сказались на прохождении днепровских порогов. Одни суда оказались повреждены, а другие и вовсе погибли [9, с. 98]. Всего было потеряно 17 морских стругов и 53 обычные лодки [4, с. 254]. Лишь к 19 июля все отряды и суда достигли урочища Кичкаса ниже порогов, где получили известие о приходе к днепровским городкам татар. Гетман отправил вперед черниговского полковника Я. Лизогуба с 3,2 тыс. казаков, а Долгоруков послал отряд под командой думного дворянина С. П. Неплюева. Кошевому Г. Яковенко были выделены деньги на 4 тыс. запорожцев. Мазепа и Долгоруков оставили на острове Томаковке тяжелый обоз и орудия, а сами пошли вниз по Днестру [3, с. 467]. Находящийся в Тавани воевода В. Б. Бух-

востов сообщил Долгорукову, что 14 июля турки и татары неожиданным ударом захватили Асланкермен, откуда начали стрелять по укреплениям Тавани, а также предприняли попытку блокировать таванские укрепления, заняв позиции выше по Днепру. Приводились сведения о войсках, движущихся к днепровским городкам из Очакова, – 6 тыс. пехоты на 30 галерах и других судах [9, с. 98–100].

25 июля Мазепа и Долгоруков достигли Казыкермена [11, л. 61]. Татары, увидев многочисленное войско, покинули занятый ими Асланкермен [5, с. 134]. Ознакомившись с ситуацией, командующие приняли решение оставить Шингирей: «А городок Шингирей усоветовали покинуть для того, что от Таванска стоит в дальнем разстоянии и защищения от него Тованску никакова нет, потому что он стоит по реке Днепру выше Тованска» [там же, л. 62]. Усилия были сосредоточены на перестройке Тавани. Началась работа по возведению дополнительных укреплений. Они строились вокруг турецкого каменного форта: «...около прежнего города Тавани, где ныне сидят запорожские казаки, зделать город по обыкновению городского строения с лица каменной, а изнутри землю так же и ров с обе стороны выкласть камнем. А мерою вновь того заложенного города в округе четыреста семнатцать сажень». 28 июля на крымской стороне стали появляться татары, против которых была послана конница, вступившая на следующий день в боевой контакт [там же, л. 61–63].

30 июля к днепровским городкам подошли основные силы крымского хана, а также турецкий паша с конными турками, «с пушки и с можжеры». Они стали за Конскими водами ниже «Аслана городка» против Шингирея и «ошенцовались». По берегу были сооружены укрепления, из которых турки стали обстреливать Шингирей из пушек и мортир, а также вести стрельбу «из мелкого ружья днем и ночью непрестанно». Долгоруков и Мазепа послали в Шингирей стрелецкий и солдатский полки вместе с «гетманским региментом», которые отвечали огнем по находящемуся за Конскими водами неприятелю [там же, л. 63]. В последующие дни вокруг городка были вырыты шанцы [там же, л. 1066].

Белгородская (Буджацкая) орда, во главе которой стоял сераскир Кази-Гирей (Газы Герай), появилась у Казыкермена 2 августа. Буджацкие ногайцы напали на нежинского полковника Ивана Обидовского, который занимал шанцы, сооруженные под стенами Казыкермена в 1695 г. Во время притворного отступления противник выманил из шанцев казаков отряда Четвертинского. Многие из них погибли или попали в плен. После этого табор Обидовского пришлось вывести на стругах в более безопасное место [5, с. 135]. Гордон определяет общее число понесенных казаками потерь в 200 человек [9, с. 109].

Одновременно на другом берегу, ниже Шингирея, несколько сотен татар и турецкая пехота перебрались за Конские воды на Таванский остров. Не выдержав атаки российских полков, нападавшие отступили назад на крымскую сторону реки [11, л. 64]. Нападение предприняли войска силистрийского сераскира Юсуфа-паши, пришедшие под Тавань раньше других турецких частей. Понесенные при наступлении потери были относительно небольшими: «И в бытность их, как они к Шингирею приступали, убито их бурсурманских войск человек с тридцать и больши, да ранено человек с сорок» [там же, л. 1176]. Надо полагать, что турки лишь пробовали на прочность позиции противника, не пытаясь идти на генеральный штурм.

9 августа появились известия о том, что в Днепр с моря вошли турецкие суда, а 10 августа вражеский флот присоединился к осаждающим [там же, л. 65]. Как представлял себе сложившуюся вокруг Тавани ситуацию Долгоруков, мы видим по его письму, отправленному с Таванского острова 10 августа [там же, л. 61–67]. Суть этого послания пересказал в дневнике Гордон: «...как грозная сила крымских татар с частью турецкой пехоты явилась к Аслан-городу, а великая мощь белгородских татар пришла с другой стороны к Казы-Кермену, турки из Очакова с артиллерией и боевыми припасами на более чем 100 галерах или фуркатах, как их называют, помимо прочих лодок и судов, идут вверх по Днепру; он имеет верные сведения от пленных и иных, бежавших от тех, что те намерены осаждать и атаковать форты Тавань и Шингирей, а также удерживать там его и гетмана с их войсками; хан тем временем может со всей своей мощью напасть на Украину и разорить страну» [9, с. 105]. Таким образом, Долгоруков видел вражеский замысел в нападении на украинные города с блокированием основной российской армии под Таванью. Он подчеркивал, что противник уже реализует план блокады: «...и выше Ослана учинили вновь многие шанцы и поставили пушки на воду, знатно имея намерение чтоб нас не пропустить судами в верх» [11, л. 65].

Позднее основной акцент в объяснении причин отступления от Тавани сместился в сторону недостаточного числа запасов. По официальному сообщению Посольского приказа, причиной отхода основных сил от Тавани была скудость «в запасех и конских кормех» [12, л. 762]. В своих донесениях Долгоруков показывал совсем безрадостную картину: войска «питались терном и лесным плодом» [11, л. 902]. Однако насколько эти сведения достоверны, сказать трудно. Отступление воеводы от Тавани вызывало недоумение уже у современников. Руководившему Разрядным приказом Т. Н. Стрешневу пришлось оправдываться перед находившимся в Великом по-

сольстве Петром, отвечая на вопрос о том, «каким злым порядком отступили от Таванска Белогароцкой воевода и гетман, оставя неприятеля блиско» [13, с. 672].

Тем не менее по отпискам военачальника в Москве приняли решение, позволяющее Долгорукову сдать днепровские городки противнику, если число приведенной турками пехоты превысит определенное количество: «...а буде болши десяти тысяч пехоты будет, а выручить будет нельзя, людей вывезть, а город во многих местех подорвать» [11, л. 77].

О том, в каком состоянии Я. Ф. Долгоруков оставлял таванские укрепления, мы узнаем из его отписки, датированной 8 сентября. В ней имеется довольно подробное описание возведенных укреплений: «городового строенья с лица и ров с обе стороны каменной, а изнутри города земляной по мере того города кругом четыреста семнатцать сажень, шириною в подошве шесть сажень, да сверх тех каменных стен выложено земляным дерном. Груднова щиту в ширину сажень с четвертию с выводу. В тех де выводах и по всей городской стене пушечные и оружейные бойницы, да к реке Днепру одни ворота, да з другую сторону калитка, да подле выводу на поле подлаз» [там же, л. 938–939]. Кроме того, в повествованиях о защите Тавани упоминаются еще три раската (бастиона), усиливших оборонительные возможности крепости.

Отступление основной армии произошло в ночь с 21 на 22 августа. Во главе обороны Тавани был оставлен воевода Василий Борисович Бухвостов, в подчинении которого оказались «курской салдацкой полк, которой в Тавани был преж сего, да новоприборной салдацкой ж полк с полковники и с начальными людьми, да по половине дву полков московских стрелцов столников и полковников Василья Елчанинова да Михаила Кривцова». Всего в городе находилось 2231 человек московских служилых людей с пушками, денежное жалование для 500 запорожцев, «чтоб им сидеть в городе неотступно до весны», а также войска гетмана, примерно равные по численности российскому гарнизону [там же, л. 939–941]. Таким образом, изначально в городе осталось немногим больше четырех с половиной тысяч человек.

Исходя из первоначального плана, при отходе Долгоруков должен был уничтожить Шингирей. Он неоднократно писал о том, что Шингирей при отходе был разрушен, а противник обосновался там то ли «в разоренном великого государя от ратных людей городе» [там же, л. 309], то ли в земляных укреплениях рядом с ним: «...перебрались бусурмане через Конскую воду и стоят с наметы в шанцах, которые остались у Шангирея» [там же, л. 367]. Однако из донесений В. Б. Бухвостова мы знаем, что Шингирей был просто брошен.

О том, что происходило в днепровских городках после спешного отхода Мазепы и Долгорукова, наиболее подробные сведения видим в отписке таванского воеводы, составленной после окончания осады. События, которые в значительной мере определили дальнейший ход осады, относятся к 21 августа. В этот день Бухвостов послал в пустой Казыкермен капитана московских стрельцов Гаврилу Глухова со стрельцами и солдатами, а также гетманских сердюков (всего 500 человек). В это время люди Юсуфа-паши на судах переправились через Конские воды и заняли пустой Шингирей. Он стал первым опорным пунктом турок на Таванском острове. Оттуда они подъезжали под Тавань «по вся дни». Бухвостов велел бить по ним из пушек, направлял людей на вылазки [там же, л. 1066–1067]. Очевидно, что русский воевода стремился вести активную оборону. 23 августа запорожские казаки напали на идущие по Днепру четыре турецких судна и уничтожили одно из них [2, с. 24].

В период между 21 и 26 августа со стороны турок активных боевых действий не велось. Они готовились к нападению: «Неприятельские люди, которые стояли против Шингирея и Асланкермена, через Конскую воду учинили мост, и по тому мосту на Тованской остров перебираютца, да к ним же де неприятелем в прибавку пришло крымскою стороною воинских людей многое число и стали против того ж мосту около Шингирея... А знатно де, что они бусурманы город Шингирей учали строить. И чаят их неприятельского приходу к Таванску» [11, л. 941–942]. Причина задержки начала осады Тавани состояла в том, что турки все еще ожидали прихода Али-паши, который должен был привести войска из Ачуева. Они частично двигались на судах мимо Очакова через устье Днепра, частично по суше – через Керчь и крымские степи. Узнав об этом от взятого в плен 24 августа турка, Бухвостов направил Долгорукову письмо с просьбой о подмоге [там же, л. 942–943].

Подробные сведения о том, что происходило у днепровских городков в последние дни августа и первые дни сентября, российское командование узнало также благодаря тому, что запорожцам удалось захватить в плен у Сиваша двух крымских татар, которые бежали со службы домой. В целом информация пленников совпадала с известиями из отписок Бухвостова: «И так все межю посполством бусурманским розглошено, что бутто задерживаютца от делания шанцов и со всяким своим промыслом первые паши до приходу Али-сераскер-паши. Сераскир-паша преждепомянутый пришел туды к Товани с крымской стороны днем перед их отходом, то есть сентября 4-го числа, с которым пришло на возах и турецкого войска тысяч з десять. А суден никаких вновь снизу не пришло и не придут» [там же, л. 433]. Таким образом, этот расспрос зафиксировал момент, когда

подошла часть войска Али-паши, которая двигалась через Крым. Надо полагать, что вместе с Али-пашей пришел и кафинский Муртаза-паша, о присутствии которого под Таванью упоминают источники [там же, л. 437].

В этом же расспросе приведены важные для нашего исследования данные, касающиеся использования турецкого флота при осаде Тавани. Оказалось, что протока Конские воды против Таванского острова в период осады обмелела так сильно, что крупные суда не могли проходить по ней свободно: «А суды де, то есть каторги, фрегаты, галиасы, стоят по Днепру возле берега от крымской стороны в трех часех езды от Тавани. А ближе подойти к Тавани опасаются, чтоб казаки тайно ночью, подбежав, тех судов не пожгли. Да и итить де тем судам ближе к Тавани нельзя, потому что около Тавани в Днепре вода мала. А те суды великие. И по той малой воде теми судами ближе подойти отнюдь невозможно. А слышал де он от своих же, что те суды пришли для того, чтоб войск государских на Черное море не пропустить и поход их под Ачаков удержать» [там же, л. 438].

Крайне любопытны те сведения, которые пленные татары сообщили о татарском войске. Оказалось, что, пока турецкое войско собиралось у днепровских городков, татары постепенно покидали зону боевых действий: «Якож и поголоски носилися при их отъезде... Понеже из запасов выхарчилися и зимнее время наступает, которого зимнего времени турки не могут нимало здержати. И для тех мер, что бес козюхов на летную пору толко из домов в тот поход вышли. А и у татар тож велми скудно на харчь. Так ж и лошадем корму нет...»; «И давно они татаровя к своим жилищам итить готовы. И ради только турская конная застава кругом постановленная их удерживает и утешает, что болши не будут стоять по прежде реченный праздник касим. А Белогороцкой де орды большая часть для скудости конских кормов ушла домой» [там же, л. 434, 438].

Передышка, связанная с задержкой основных османских сил, позволила Бухвостову получить подкрепление, о котором он писал Долгорукову. Данные о посланной в Тавань помощи противоречивы. В одной из отписок Долгорукова говорится, что к днепровским городкам пошли полковник Василий Ельчанинов со стрельцами, «гетманский регимент» Мазепы и 1500 запорожцев [там же, л. 365]. Согласно другой отписке, Ельчанинов вел 330 человек, а гетман послал 200 московских стрельцов полков Степана Стрекалова и Григория Аннинкова, 200 сердюков и «несколько» городских казаков [там же, л. 943–944]. 23 сентября гетман писал, что от Тамаковки послал 760 человек Лубенского полка, а «придя под города», направил из Полтавского и Лубенского полков 1800 человек, потом еще 1 тысячу из Нежинского

полка [там же, л. 536]. Запорожский атаман Г. Яковенко сообщал через посыльного, что с ним всего шло 1300 человек [там же, л. 676]. По нашему мнению, реальные (и гораздо более скромные) цифры приведены в отписке Бухвостова, который отметил, что к нему на помощь прислали 491 человека с полковником В. Елчаниновым, 340 человек от гетмана с наказным полковником А. Яковлевым, а из сечи с атаманом пришли 957 человек [там же, л. 1068].

Наиболее полная информация о том, как подмога прошла в город, содержится в рассказе казака Лукьяна, которого Яковенко отправил из Тавани. По его сообщению, запорожцы выступили в среду, 1 сентября, соединившись на следующий день с подкреплениями от Долгорукова и Мазепы. Двигаясь на судах в темное время суток, в ночь с пятницы на субботу они подошли к Кастырскому острову и оттуда направились к Асланкермену для внезапного нападения на турок. Однако противника обнаружить не удалось, так как турецких шатров, которые здесь стояли раньше, уже не было. После этого казаки вернулись к Кастырскому острову и в субботу открыто поплыли к Казыкермену. В ответ на обстрелы из луков (татары) и огнестрельного оружия (турки) запорожцы высадились на правый берег Днепра и отогнали противника. Одновременно вспомогательный удар нанес гарнизон Казыкермена, к которому войско в итоге и подошло. После этого боя в субботу, 4 сентября, казаки переправились через Днепр и прошли в Тавань. Они встали у берега ниже города со своими судами, которые им удалось провести, отогнав татар [там же, л. 675–677].

В тот же день запорожцы хотели идти в Сечь, однако Бухвостов пообещал им дополнительное жалование и уговорил остаться. Воевода боялся, что если запорожцы уйдут, то с ними сбегут и гетманские городские казаки, а также «и из салдат были б утеклецы» [там же, л. 1068–1069]. Войско с Сечи не только укрепило гарнизон, но и снабдило город недостающими боеприпасами. Позднее таванский воевода написал в Москву просьбу о компенсации затрат: «Да и в осадное де время за недостатком занято у запорожских казаков три тысячи ручных ядер пустых, да свинцу корыто большое» [там же, л. 53–54].

5 сентября запорожцы решили напасть на турецкие суда, которые стояли у нижней части острова. Однако к вечеру атаку решили отложить, поскольку большое число турок начало переправляться с крымской стороны на Таванский остров, где они «хоронились по протоком и боераком». Ночью османами под стенами российской крепости был выкопан «знатной шанец» [там же, л. 678].

Ночь с 5 на 6 сентября стала началом осады. Турки сосредоточили свои войска и начали решительное наступление. Утром осаждающие вырыли еще

два шанца в сторону Тавани. Турецкие суда поднялись к городу и стали обстреливать его и стоящие вблизи казачьи суда. Казаки перебросили струги к городским стенам, а сами вошли в крепость. Согласно донесению запорожского атамана, отраженному позже в официальном отчете Посольского приказа, 36 турецких кораблей поднялись выше Таванского острова, блокировав сообщение по воде с основными силами [там же, л. 679–681; 12, л. 672 об.]. В отписке Бухвостова вражеский флот выглядит еще более внушительно: «...завели Конским протоком на Днепр-реку и поставили выше Тавани чрез реку против тех своих бусурманских шанцов сорок фуркатов, дватцать две каторги да шеснатцать галетов» [11, л. 1070]. Казаки же вскоре лишились своих судов. Их разбила турецкая артиллерия [там же, л. 585].

Уже 6 сентября осажденные ответили вылазкой, в ходе которой захватили ближайшие к Тавани шанцы, однако к неприятелю подошли подкрепления, после чего защитники крепости были вынуждены отступить. После этого противник начал рытье апрошей, защищенных дополнительными укреплениями, на которых устанавливались ломовые пушки (осадные орудия) и мозжеры (мортиры). С них и с неприятельских судов велся непрерывный обстрел. К городу также подводился земляной вал [12, л. 363, 363 об.].

8 сентября турки начали обстрел Казыкермена [там же, л. 363 об.]. Воевода Бухвостов успел заранее послать на помощь его защитникам 700 человек [11, л. 1071]. Как выяснилось из допросов пленных, турки решили захватить укрепление и разместить там постоянный гарнизон, который при поддержке белгородских татар позволил бы блокировать Тавань и «выморить голодом» засевший там гарнизон. 9 сентября состоялся штурм Казыкермена, окончившийся неудачей [12, л. 764].

Провал первой атаки вынудил противника начать осадные работы. 14 сентября турки взорвали подкоп под укреплениями Казыкермена, обрушили часть стены и пошли на новый приступ, который также был отбит [там же, л. 764 об.]. После этого турки продолжили осаду: «И после де того вели третьей подкоп и о том подкопе уведав инженер, которой оставлен в Тованском, велел перекопать ров и сделать вал на опасения от того подкопа» [11, л. 600]. Противники продолжали осаду до 28 сентября, обстреливая Казыкермен из пушек и мортир, после чего, не предпринимая попыток штурма, отошли [12, л. 764 об.]. 29 сентября защитники Казыкермена вошли в турецкие шанцы и нашли там оставшегося во время отступления турецкого гранатчика, который сообщил о том, что осаждающие несут тяжелые потери [11, л. 727–730]. Надо полагать, что причиной отказа от штурма стали неудачные осадные работы.

Блокаду осажденной Тавани пытались прорвать запорожцы. Яковенко сообщал, что 22 сентября послал к Сечи в трех судах 90 человек с просьбой о помощи. Наказной кошевой Федоренко с 800 казаками и московскими людьми отправился на выручку. Однако из-за того, что наказной шел «явным способом», его заметили татары и дали знать туркам, которые выслали навстречу казакам суда. Запорожцы вступили с турками в бой, но, увидев, что противник «не по их силе», вернулись в Сечь [там же, л. 683–684].

В изложении Я. Ф. Долгорукова, который опирался на письмо самого Федоренко, история выглядит несколько иначе. По этой версии, связь наладили из Сечи, послав на разведку одного из казаков. По возвращении он и привез письмо Яковенко с просьбой о помощи. 18 сентября наказной атаман с 1 тыс. запорожцев выступил в поход. Они шли на судах «морского каравана» Долгорукова и Мазепы, которые были оставлены в Сечи под охраной подполковника А. Колпакова. Колпаков присоединился к запорожцам с пятьюдесятью подчиненными стрельцами. Они решили попытаться «збить» те турецкие суда, которые турки завели выше Таванского острова. Для этого запорожцы поставили две пушки на фуркате. Турки остановили их верст за семь до Тавани. Не выдержав обстрела, запорожцы повернули обратно [там же, л. 586–593].

После этого командование долгое время не получало от осажденных никаких известий, кроме того, что посланные на разведку в окрестности днепровских городков несколько дней не слышали стрельбы [9, с. 108]. Можно было ожидать самого печального развития событий.

Между тем турки усиливали натиск на Тавань. Они подвели апроши вплотную к стенам крепости, заняли ров и прорыли подкопы под три бастиона [12, л. 765]. Подкопы оказались неудачными: «...на котором раскате стоял с курским солдатским полком полковник Яков Мейн и он под тем раскатом подкоп, усмотря, перенял, и подкопщика в том подкопе закололи. А на дву раскатех от шингирейской стороны, на которых стояли с полками своими стольник и полковник Василей Елчанинов, да стольник же и подполковник Алексей Балобанов стрельцами, да стольник ж и полковник Афонасей Нелидов с салдаты, перекопали до воды, чтоб от тех подкопов его нашим, великого государя, ратным людем утраты не было» [11, л. 1126]. Осажденные соорудили новые валы и рвы с внутренней стороны бастионов [12, л. 765].

23 и 24 сентября неприятель предпринял две неудачные попытки склонить защитников к сдаче. 25 сентября турки взорвали два перекопанных оборонявшимися подкопа под бастионами Тавани, по-

теряя при этом множество солдат. При поддержке артиллерии с судов и береговых батарей турки трижды штурмовали Тавань, но успеха не достигли [там же, л. 765–765 об., 770 об. – 771 об.]. О том, что нападающие были близки к взятию города, говорит тот факт, что вражеские солдаты на раскат «з знаменами взбегали трижды» [11, л. 1072]. Два из поднятых на вал турецких знамен осажденные захватили в качестве трофея [там же, л. 726].

Продолжавшиеся осадные работы оказались безуспешными. Один из подкопов обвалился 1 октября, а остальные «переняли» осажденные. Параллельно осуществлялась отсыпка штурмового вала. Вскоре он подошел вплотную к укреплениям, превысив высоту городских стен. Это заставило осажденных перебраться вплотную к стенам. Оттуда в неприятеля метали гранаты. При этом особо отличились запорожцы [12, л. 771 об. – 772].

В ночь с 9 на 10 октября противник, узнав, что на выручку Тавани идут новые войска, начал отступление. Стоявшие выше крепости суда спустились вниз по Днепру, а татары ушли с правого берега Днепра на крымскую сторону [там же, л. 772 об.]. 11 октября враг отступил от днепровских городков [11, л. 1129]. За все время осады, по сообщению перебежавшего от противника артиллериста, на город было сброшено 5000 бомб [12, л. 773].

Подкрепление к городу действительно шло. Еще 3 августа, по вестям с днепровского театра военных действий, генерал П. Гордон под Азовом получил указ спешно идти с войсками к Валуйке [9, с. 98]. Далее он двигался в западном направлении на соединение с Долгоруковым и Мазепой. А. С. Шеин отправил с Гордоном 8363 человек с 23 пушками [11, л. 110–112, 218]. Дополнительные силы были направлены в города, которые могли стать объектом нападения. Майеру К. Ригимону было велено идти в Новый Оскол, полковник И. Мевс должен был стоять на Коломаке, А. Чубаров – в Змееве, Ф. Козлов – на Изюме, И. Черный – в Цареве-Борисове, Т. Гундертмарк – в Маяцком [там же, л. 120–121].

23 сентября в Опошне состоялся военный совет, на котором было решено отправить на выручку Тавани 20 или 30 тысяч человек. Российской частью войск должны были командовать сам П. Гордон и Л. Ф. Долгоруков, украинской – полковник И. Искра [5, с. 137; 9, с. 109]. Однако осада была снята раньше, чем войска добрались до района боевых действий.

Остается не до конца решенным вопрос о численности участвовавших в боевых действиях войск. Количество находившихся в осаде в Тавани и Казыкермене определяется точно. В официальном отчете Посольского приказа фигурирует цифра в 6500 человек [12, л. 774]. Гордон оценивает общее число защитников в 6 тыс. человек с 60 артиллерийскими

орудиями [9, с. 109]. В отписке Бухвостова общее число сидевших в осаде определено в 6260 человек. При этом в подсчете данных по всем упомянутым в росписи Бухвостова отрядам общий итог составляет 5980 человек. Из них убито 602 и ранено 1185 человек [11, л. 1078]. Вероятнее всего, в росписи Бухвостова не учтены 90 запорожцев, которые ушли в середине осады за помощью в Сечь и не смогли вернуться. Впрочем, разница между минимальной и максимальной цифрами не принципиальна. В целом же число российско-украинских войск, сосредоточенных к осени на днепровском театре военных действий, должно было превышать 70 тыс. человек. Хотя значительная их часть участия в боях не принимала, само наличие крупных воинских контингентов в относительной близости от места осады не могло не влиять на решения турецкого командования.

Сложнее определить численность нападавших. Бухвостов со ссылкой на «выходцов» указывает, что город осаждали 41 800 турок и 100 000 татар: «А по сказке... приходило их неприятельских людей к Товани и х Казыкермену для промыслу над теми городами с пашею с Ысупом – янычан и спаев и чжебеджей конных и на судах семнатцать тысяч, с пашею с Алеем – янычан волохов, сербен и мылтян восемь тысяч, да на каторгах, на голетах, на фуркатах с пашею Мемет-Дербишен – три тысячи восьмьсот, с пашею з Гасаном, которой зимовал в Ачакове, – тринадцать тысяч, с ханом крымским и Белгородские орды – татар сто тысяч человек. А пушак было с ними в шанцах за турами – больших ломавых дватцать три пушки да пять мозжер, а на каторгах и на голетах – больших ломавых по пять, малых по десяти пушек, на фуркатах – по пяти пушек на судне». Потери оценивались в 4,5 тыс. убитыми (500 – под Казыкерменом и 4 тыс. – под Таванью) и до половины войска ранеными. «А в шанцах де, оприч приступов, их неприятельских людей побито многое число» [там же, л. 1129–1130].

В официальном отчете Посольского приказа, со ссылкой на перебежчиков, численность вражеского флота определяется в 22 каторги (экипаж – по 200 человек без учета гребцов), 16 галиасов (экипаж – по 250 человек) и 22 корабля с запасами. Общее число турок на судах и «на сухом пути» составляло 30 тыс. человек. Кроме того, среди нападавших отмечено 10 тыс. татар Белгородской орды и вся Крымская орда. По данным Посольского приказа, общие потери нападавших составили 4500 человек [12, л. 773–773 об.].

Служившие у Юсуфа-паши и бежавшие от него в Тавань волохи говорили о 23 тыс. турецкого и 4 тыс. пешего татарского войска, не считая татарской конницы: «А с тем де пашею было войсковых людей восемь тысяч человек, да четыре пушки больших ломовых, девять полковых, четыре верховых гранат-

ных... Да к тому Юсе-паше на помощь хотели быть Крымской хан з Белгородскою и Крымскою ордами, да паши турецкие, Але, которой был под Азовым, да Келчауш-паша водою на дватцати каторгах да на дватцати пяти фуorkатах А турецких де войск с ними с Келчаушем-пашою на судах з десять тысяч человек, а с Алеем с пять тысяч человек, а с ханом Крымская и Белгородская орда вся. Да с ним же де ханом лутчих людей сейменов с четыре тысячи человек с огненным боем с пищалми» [11, л. 1175–1176].

Захваченные под Сивашем татары, которым были доступны данные о турках, пришедших под Тавань к 4 сентября (т. е. до прихода основной части турецкого флота), сообщили, что под днепровскими городками собралось около 15 тыс. турок: «А войска де турского конного и пешего всего с пятнатцать тысяч человек. И те все при хане крымском с крымской стороны. А с казыкерменскую сторону только орда Белгородская. А янычан при ней нет. А с ханом не только орда крымская вся, но и малые рабята от десяти лет все выгнаны» [там же, л. 439]. Следует также помнить, что в начале кампании Али-паша при строительстве крепости Ачуева имел в своем распоряжении 8 тыс. человек [там же, л. 97, 98].

Вряд ли стоит сомневаться в том, что именно турецкие войска были основной ударной силой при штурме днепровских городков. Выбирая между максимальной цифрой в 41,8 тыс. человек (в сообщении Бухвостова) и минимальной в 23 тыс. человек (в расспросе волохов-перебежчиков), предпочтение следует отдать минимальной оценке. Причины этому две. Во-первых, у Бухвостова указано явно завышенное число татар. Это говорит о том, что полководец был склонен преувеличивать численность вражеского войска. Во-вторых, данные волохов лучше коррелируются со сведениями об отдельных турецких отрядах. Даже если предположить, что цифра воеводы правдива, это меньше, чем понадобилось для взятия Казыкермена и Азова российскому командованию.

В литературе оценки численности турецкого войска также значительно разнятся. Д. Н. Бантыш-Каменский указывал на 36 тыс. турецкого войска, 10 тыс. белгородских татар, оставив без количественной характеристики «крымцев». Общее число убитых врагов он оценил в более 3,5 тыс. человек [14, с. 37–38]. Н. И. Костомаров привел сообщение пленного о том, что на неприятельских судах 33 тыс. турок и 6000 невольников. Чисто погибших турок определялось в 7000, а также отмечалось, что осажденные потеряли 205 человек [3, с. 471–472]. В. Н. Заруба считал, что в распоряжении Али-паши имелось 10 тыс. янычар, а общее число турок, по его мнению, составляло 50 000 человек [5, с. 137–138]. Последнее число явно завышено.

Большую же часть военной силы противника составляла татарская конница. Она успешно прикрывала осаждавших от внезапного нападения противника, однако ее эффективность при штурмах укреплений сомнительна. Очевидно, что для возвращения днепровских городков противник задействовал больше войск, чем когда-либо в предыдущие периоды боевых действий. Тем не менее их оказалось недостаточно для выполнения поставленных задач. Следует вспомнить, что при близком соотношении сил под Азовом в 1695 г. российские войска взять город также не смогли.

Переброска османских сил на Днепр негативно сказалась на положении дел в османских владениях на Кубани. По рассказу одного из пленных, осенью 1697 г. калга, в распоряжении которого имелась всего 1000 пришедших из Крыма татар (в том числе ногайских), жил «в черкесах от Кубани в разстоянии день езды для опасения от московских воиск» [15, л. 5].

В целом, итоги обороны днепровских городков оказались положительными для российской стороны. Несмотря на разрушение турками основных укреплений, оставление части крепостей и отход основных сил российско-украинского войска, ключевые укрепленные пункты (Тавань и Казыкермен) остались в руках оборонявшихся. Огромные ресурсы и подавляющее численное и техническое преимущество оказались бессильны перед мужеством русских и казацких воинов, вышедших с победой из тяжелейшего противостояния. Но главное – стало очевидным, что, даже перебросив с западного театра боевых действий крайне необходимые там крупные воинские контингенты, османские власти не смогли коренным образом переломить ход войны с Россией, что делало для Османской империи продолжение войны со странами Священной лиги бесперспективным. Это позволяет охарактеризовать оборону днепровских городков как ключевой эпизод Русско-турецкой войны 1686–1700 гг.

Можно отметить две причины, по которым эти события оказались на периферии внимания как современников, так и историков. Во-первых, в то время, когда армии сражались на Днепре, царь находился вне России и никак не мог претендовать на лавры победителя. Это делало оборону Тавани «неинтересной» для тех, кто занимался прославлением государя. Командовавшие российскими войсками на днепровском театре военных действий сподвижники Петра Долгоруков и Мазепа в кампании 1697 г. показали себя не лучшим образом. В результате никто из значимых лиц в царском окружении не был заинтересован в увековечении памяти об этих событиях. Во-вторых, по условиям Константинопольского перемирия, подписанного 3 июня 1700 г., территория

вокруг днепровских городков возвращалась Османской империи, а сами крепости подлежали полному уничтожению [16, с. 67–68]. Как следствие, по пропагандистскому потенциалу днепровские городки существенно проигрывали Азову, который царь взял лично и гораздо дольше сохранял в своем владении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуськов А. Г. Русско-турецкая война 1686–1700 гг. / А. Г. Гуськов, К. А. Кочегаров, С. М. Шамин // Российская история. – 2020. – № 6. – С. 30–49.
2. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России : в 3 т. Т. 3 / Д. Н. Бантыш-Каменский. – 2-е изд. – М. : Тип. Семена Селивановского, 1830. – 365 с.
3. Костомаров Н. И. Собрание сочинений Н. И. Костомарова : в 8 кн. Кн. 6 / Н. И. Костомаров. – СПб., 1905. – 800 с.
4. Эварницкий Д. И. История запорожских козаков : в 3 т. Т. 3 / Д. И. Эварницкий. – СПб., 1897. – 648 с.
5. Заруба В. Н. Украинское казачье войско в борьбе с турецко-татарской агрессией (последняя четверть XVII в.) / В. Н. Заруба. – Харьков : Основа, 1993. – 168 с.
6. Заруба В. Українське козацьке військо в російсько-турецьких війнах останньої чверті XVII століття / В. Заруба. – Дніпропетровськ : ПП Ліра ЛТД, 2003. – 464 с.
7. Кампания 1697 г. на Днестре. – URL: https://runivers.ru/conflicts/campaigns/kampaniya_1697_g_na_dnepre/
8. Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск, 860–1914 гг. : справочник. Т. 1: 860–1700 гг. / Ю. В. Селезнев, О. А. Курбатов. – М. : Руниверс, 2019. – 1207 с.
9. Гордон П. Дневник, 1696–1698 / П. Гордон ; пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова ; [отв. ред. М. Р. Рыженков]. – М. : Наука, 2018. – 324 с.
10. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 210. – Оп. 12. – Ч. 3. – Д. 1659.
11. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Ч. 3. – Д. 1644.
12. РГАДА. – Ф. 79. – Оп. 1. – Кн. 251.
13. Письма и бумаги императора Петра Великого. – СПб., 1887. – Т. 1. – 975 с.
14. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России : в 3 т. Т. 3 / Д. Н. Бантыш-Каменский. – М. : Тип. Семена Селивановского, 1822. – 243 с.
15. РГАДА. – Ф. 111. – Оп. 1. – 1698 г. – Д. 3.
16. Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.] : в 45 т. Т. 4: 1700–1712. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. – 881 с.

Институт российской истории Российской академии наук

Гуськов А. Г., кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма

E-mail: guskov-andrei@mail.ru

Шамин С. М., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры

E-mail: shaminy@yandex.ru

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Guskov A. G., Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department for the History of Russian Feudalism

E-mail: guskov-andrei@mail.ru

Shamin S. M., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department for the Study of Domestic Culture

E-mail: shaminy@yandex.ru